

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

ОКТАБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчань-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ.

Должно быть не дешево обходилось малороссійской старшинѣ полученіе урядовъ, такъ какъ сохранилось множество дѣлъ о злоупотребленіяхъ старшины, начиная отъ гетмановъ до простыхъ сотенныхъ писарей. Всѣ эти злоупотребленія, въ большинствѣ случаевъ, выражались въ излишнемъ обложеніи козаковъ, поборами и особенно въ требованіяхъ исправленія патуральныхъ повинностей. Жалобы на мелкихъ чиновъ обыкновенно кончались полковымъ судомъ; жалобы же на полковниковъ доходили въ XVIII в. до гетмана и до иностранной коллегіи. Какія позволяли себѣ полковники злоупотребленія, можно видѣть изъ дѣла полковника полтавскаго Ивана Черняка, производившагося въ 1714 г. и встрѣтившагося мнѣ среди дѣлъ, относящихся до княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, куда оно попало, очевидно, совсѣмъ случайно.

Дѣло началось по письму государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина на имя гетмана Скоропадскаго отъ 18 ноября 1714 г. слѣдующаго содержанія: „Извѣстно здѣсь учинилось, что полтавскаго полка судья Петръ Кованко и иные приносили ему жалобу на полковника полтавскаго Ивана Черняка во многихъ его во всему полку обидахъ и что онъ же, Чернякъ, выдалъ на тотъ полкъ горѣлки своей 1000 куеъ, а за каждую куеу взялъ по 24 рубля; да онъ же для взятковъ учреждаетъ въ сотники и въ иные уряды того полка людей подозрительныхъ, а именно: учинилъ въ мѣстечко Будище сотникомъ зятя своего Дмитрія Калачинскаго, у котораго братъ родной при измѣнникѣ Войнаровскомъ маршалкомъ, новосенджаровской сотникъ Матвѣй

Будкой, нехворощинской сотникъ Стецко были при измѣнникѣ Мазепѣ, переволочанской сотникъ Дмитро съ измѣнникомъ Косткою Гордѣнкомъ былъ, когда въ Царичанкѣхъ побили великоросскихъ людей. И ежели такое доношеніе ему, господину гетману, отъ того судьи и другихъ на того полковника есть, то надлежитъ его призвать въ Глуховъ, а въ тотъ полкъ послать кого изъ генеральной старшины и изъ офицеровъ отъ полковъ, которые при немъ, гетманѣ, есть, и, въ небытность Черняка въ полтавскомъ полку, противъ того доношенія тѣмъ обоимъ посланнымъ велѣть о немъ, полковникѣ, сыскать: такія тому полку обиды и тягости онъ, Чернякъ, чинилъ ли? А что въ сыску тамошніе жители учнутъ говорить, тому учинить записку и привезть къ нему, гетману, а онъ бы тотъ сыскъ прислалъ въ СПбургъ къ государственному канцлеру; а тѣхъ людей, которыхъ онъ въ чины наставлялъ, и ежели оныя подлинно суть въ вѣрности подозрительныя и такіе, какъ писано выше сего, то велѣть ихъ отъ чиновъ отлучить и выбрать на ихъ мѣста иныхъ добрыхъ и вѣрныхъ людей“. Въ отвѣтъ гетманъ Скоропадскій извѣстилъ Головкина, что онъ уже давно послалъ въ полтавскій полкъ для розыска о дѣяніяхъ Черняка генеральнаго есаула Бутовича, который уже произвелъ розыскъ, а указанныхъ въ жалобѣ сотниковъ велѣлъ отъ урядовъ отставить, а на ихъ мѣсто выбраны новыя. При письмѣ этомъ Скоропадскій прислалъ и самый розыскъ о Чернякѣ, дополнивъ его доношеніемъ козака Кондака на Черняка же и показаніями отставленныхъ сотниковъ.

Въ доношеніи козака Данила Кондака написано: „ноября въ 23 д. 1714 г. въ Полтавѣ въ канцеляріи передъ комендантомъ Иваномъ Отяевымъ полтавской житель Данило Кондакъ доносилъ: въ 1713 г. зимою, послѣ Рождества Христова, посылашь его полковникъ Чернякъ говорить кошевому Косткѣ и прочимъ запорожцамъ, чтобъ „не важилась кланяться царскому величеству: еще де висѣлицы московскія не наполнились; а если де поклонитесь, то, конечно, наполнятся вами!“ И онъ де, Данила, пріѣхавъ въ Сѣчу, боясь полковника Черняка, чтобъ его не убилъ кіями до смерти, оныя слова кошевому Косткѣ говорилъ и за оное кошевой полковника Черняка благодарилъ; и онъ, Данила, видя

его полковничье съ кошевымъ, съ Костькою, согласіе, а къ царскому величеству незычливость, напомнилъ Бога и вѣрную свою службу къ царскому величеству, прочимъ запорожцамъ такихъ словъ не говорилъ, чтобы не сдѣлать большаго въ Сѣчи возмущенія. Про такіе слова онъ давно хотѣлъ донести коменданту, но за страхомъ полковника Черняка не смѣлъ, для того что видѣлъ, что онъ, полковникъ, сдѣлалъ надъ другими. Да онъ же, Чернякъ, отпуская его въ Сѣчу, говорилъ: „видишь ты меня теперь паномъ, еще надѣюся быть и большимъ!“

Въ челобитной полтавскаго полка судьи полковаго Петра Кованка съ товарищами приведены слѣдующія обвиненія полковника Черняка:

1) По указу царскаго величества повелѣно, чтобъ въ мало-россійскихъ городахъ аренды не было, и всякой бы человекъ, не имѣя другихъ занятій, могъ свободно шинковать виномъ, заплатя въ ратушу два рубля за куоу; а полковникъ ихъ наложилъ на подлыхъ бѣдныхъ людей на вымѣръ ведро по два талера, и хотя бы вино пили или вылили, только бы деньги ему за него дали. Чрезъ это людямъ ихъ полка чинится немалая обида, а войсковою прибыли убытокъ.

2) Такожъ повелѣно, чтобъ никто въ полевья рѣчки за добычами звѣриными и рыбными не дерзаль; полковникъ же ихъ посылалъ козаковъ за рѣку Самарь на р. Быкъ для добычи, изъ нихъ запорожцы одного знатнаго товарища сотни полтавской убили, а другихъ ограбили. По примѣру полковника и другіе козаки стали ходить по рѣчкамъ для добычи, а когда возвращаются съ добычей домой, полковникъ же ихъ ограбить.

3) Онъ же, полковникъ, хотя показать свою службу, собравъ лучшихъ козаковъ своего полка, ходилъ за Днѣпръ за запорожцами; но дойдя до Суры въ степь, убоясь идти дальше, отправилъ на запорожцевъ небольшое число козаковъ, которые, спешись съ татарами и запорожцами, дали имъ бой; видя невозможность удержаться противъ непріятели, козаки послали къ полковнику съ просьбой о присылкѣ помощи, но полковникъ на помощь не послалъ, отчего нѣсколько десятковъ козаковъ должны были пропасть.

4) За нерадѣніемъ полковника, въ полку нѣтъ надлежащихъ сторожъ и разъѣздовъ, а потому непріатели ежегодно угоняютъ скоть и лошадей, чего при прежнихъ полковникахъ не было.

5) Козаки, которые должны быть наряжены на сторожи и въ разъѣзды, вмѣсто того, по приказанію полковника, возятъ ему на строеніе лѣсъ и гатятъ гребли, и не только въ ихъ полку, но выгоняетъ козаковъ на гребли и въ миргородской полкъ въ городокъ Омельникъ къ своимъ племянникамъ; сѣно ему козаки косятъ, и не только ему, но и всѣмъ его свойственникамъ и арендовымъ шабарчикамъ. Живя въ такой неволѣ, козаки не могутъ исправиться послѣ шведскаго разоренія, а потому многіе разошлись въ иные полки, а иные находятся въ крайнемъ убожествѣ.

6) Также имъ, козакамъ, и то великая тягость, что онъ, полковникъ, переломавъ права ихъ и вольности козацкія, которыя его царскаго величества грамотами утверждены, ставитъ на уряды сотниковъ не тѣхъ, которые по заслугамъ своимъ и вольнымъ козачьимъ голосамъ годны, но учиняетъ торгъ, и кто больше дастъ, того и доускаетъ на урядъ сотничества; а тѣ, въ свою очередь, чинятъ великій грабежъ бѣднымъ козакамъ и посполитымъ людямъ, чтобъ возвратитъ данную полковнику сумму.

О взяткахъ его и грабежахъ всякъ своими супликами будетъ бить челомъ, если кто будетъ присланъ отъ гетмана для розыску.

Въ заключеніе просятъ полковника ихъ Черняка переимѣнить.

Подъ челобитьемъ подписались: Петръ Кованка, судья полковой, Иванъ Залѣсскій, писарь полковой, Михаилъ Руденко и Павелъ Гарасимовъ, хорунжіе полковые, и восемь человекъ другихъ того полку товарищей.

Не привожу отвѣтовъ Черняка на обвинительные пункты, потому что объясненія его на нѣкоторые пункты совершенно голословны, не подтверждены никакими свидѣтелями, а иные пункты онъ призналъ правильными, ссылаясь на обычай.

Послѣ того Бутовичемъ были допрошены тѣ сотники, которые, по мнѣнію челобитчиковъ, поставлены на уряды неправильно. Первымъ подаль о себѣ сказку Дмитрій Калачинскій, зять полковника: „Когда Мазепа на покойныхъ Кочубея и Искру гналъ, гналъ же и за тестемъ его; и домъ его Григорьемъ Гер-

цикомъ разоренъ, а его, Черняка, ѣдущаго въ войско, взяли компанейцы и, заклепавъ въ колодку, привезли подъ Кіевъ и отдали артилерному есаулу, и сидѣлъ за карауломъ, о чемъ вѣдаетъ литейный мастеръ Карпъ. Тогда жена полковника Черняка, увѣдавъ, что мужъ ея держится въ узахъ за карауломъ, послала къ Мазепѣ сына своего Еремѣя и его, Дмитрія, въ Бѣлую Церковь просить о свободѣ его; и какъ они пріѣхали въ Кіевъ, и ихъ, не давъ свидѣться съ Чернякомъ, за карауломъ послали въ Бѣлую Церковь, гдѣ, по Мазепиному приказу, были посажены въ тюрьму и сидѣли пять дней,—о чемъ вѣдаютъ полковникъ Чернышъ и Матвѣй Буцкій, и угрожали ему, Дмитрію, пыткой, чтобы онъ объявилъ о пожиткахъ Кочубея, гдѣ они скрыты. Затѣмъ вмѣстѣ съ артиллеріею привезли въ Бѣлую Церковь и тестя его, Черняка, и всѣхъ ихъ; по принятіи Чернякомъ присяги, что онъ о пожиткахъ Кочубея тоже ничего не знаетъ, отпустили. Въ это время онъ часто видѣлся съ своимъ братомъ, а по отъѣздѣ домой и донинѣ онъ совершенно не знаетъ, гдѣ находится его братъ, и живъ ли онъ, такъ какъ писемъ отъ него не получалъ и самъ къ нему не писалъ. А какъ измѣнникъ Мазепа и бунчужный Мировичъ пріѣзжали въ Полтаву, тогда они были гонимы отъ Дороша, Красноперича и Михаила Руденка. Послѣ того тестъ его Иванъ Чернякъ посланъ въ Крымъ и въ Сѣчу, гдѣ кошевой Костька, бивъ его нещадно, забивъ въ кандалы и оковавъ руки, отослалъ съ сотникомъ миргородскаго полка съ потоцкимъ къ Мазепѣ; а теща его съ сыномъ и съ нимъ, Дмитріемъ, и свойственники, оставивъ жилище и имѣніе свое въ Полтавѣ и въ Яворонцахъ, боясь сообщниковъ Мазепиныхъ, чтобы и надъ ними какого зла не учинили, съ позволенія князя Александра Волконскаго, уѣхали въ Нехворощу, оттуда въ Вольный, а изъ Вольнаго въ Харьковъ, гдѣ узнали, что Мазепа тестя его, полковника Черняка, въ Великихъ Будицахъ хочетъ казнить смертью. Тогда они били челомъ генераль-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Меншикову о вызволеніи его отъ смерти; его свѣтлость приказалъ объявить Герцичкѣ старой, чтобы она послала къ зятю своему Орлику и къ дѣтямъ своимъ, бывшимъ при измѣнникѣ Мазепѣ, съ предложеніемъ: ежели Чернякъ Ма-

зепюю будетъ казненъ, то взаимно она, Герцичка, съ дѣтьми ея будутъ казнены, а потому старались бы они Черняка отъ казни выволить. Герцичка, по приказу князя, написала къ Орлику и къ своимъ дѣтямъ письмо, которое онъ, Калачинскій, послалъ изъ Гайворонца съ шпигомъ къ Орлику; шпига шведы поймали и казнили, о чемъ старая Карамущиха съ дѣтьми своими съѣдома, а письмо было отдано Орлику, и по тому письму тестъ его не казненъ. По отсылкѣ Герцичина письма, онъ, Калачинскій, возвратился въ Харьковъ, гдѣ и жилъ до полтавской викторіи; а ни въ какой измѣнѣ онъ не былъ“.

Матвѣй Буцкой, сотникъ новосенджаровской, показалъ: „Когда Кочубей и Искра поѣхали къ великому государю доносить о Мазешиной измѣнѣ, тогда они были въ своемъ хуторѣ Коломацѣ. Дорошець, имѣя на нихъ злобу, послалъ дѣтей своихъ въ другой хуторъ ихъ Готовянской; тамъ они забрали ихъ пастуховъ и, бивъ, спрашивали, гдѣ находятся Буцкіе. Одинъ изъ пастуховъ ушелъ отъ Дорошанъ къ нимъ въ Коломакъ и объявилъ имъ, что ихъ хотятъ, забивши въ колодки, везти въ Полтаву въ тюрьму. Услыша объ опасности, онъ съ братомъ Григорьемъ ушли въ городъ Коломакъ и жили тамъ весь великій постъ; а въ великую субботу ночью въ Коломакъ пріѣхала, укрываясь, госпожа Искрина. Узнавши объ ея прибытіи въ Коломакъ, Григорій Герцикъ пріѣхалъ съ козаками и, забравъ ихъ, забилъ въ колодки и привезъ въ Полтаву; здѣсь, вмѣсто колодокъ, забилъ въ кандалы и отослалъ его въ Бѣлую Церковь къ Мазепѣ, а брата его въ Гадячъ въ тюрьму. Въ Бѣлой Церкви сидѣлъ онъ подъ карауломъ отъ Вознесенія до Воздвиженія, вмѣстѣ съ полковникомъ Чернышемъ и другими, а потомъ Мазепа послалъ его въ Быково и приказалъ Гамалѣю, чтобы, наказавши жестоко, изъ подъ караула отпустилъ его. Черезъ нѣсколько дней его и брата его Григорья изъ гадяцкой тюрьмы освободили и по ихъ прошенію Мазепа далъ имъ листъ объ освобожденіи ихъ женъ и объ отдачѣ пожитковъ, съ каковымъ листомъ они пріѣхали въ Полтаву. На той же недѣлѣ, какъ они пріѣхали въ Полтаву, сдѣлался въ Полтавѣ бунтъ изъ за грамотъ царскаго величества, что онѣ не были читаны въ радѣ, при чемъ былъ убитъ полтавскій писарь Лозинской.

По усмирениі бунта, Дорошъ и Красноперичъ, считая ихъ, Буцкихъ, подстрекателями къ убійству Лозинскаго, приказали посадить ихъ въ ратушу, гдѣ они сидѣли день, а затѣмъ по просьбѣ ихъ женъ полтавскій полковникъ ихъ освободилъ. Тестъ его, узнавши, что онъ опять взять подъ карауль, взялъ его жену и дѣтей и отвезъ въ Новосенджаровъ; а они, Буцкіе, съ полковникомъ Чернякомъ поѣхали къ царскому величеству въ Лебединъ, откуда Чернякъ былъ посланъ въ Крымъ. О всѣхъ его бѣдствіяхъ вѣдаетъ бывшій тогда въ Полтавѣ командиромъ князь Волконской, который совѣтовалъ ему изъ Полтавы куда нибудь удалиться, только не въ противную его царскому величеству сторону, такъ какъ Дорошъ, Красноперичъ и Руденокъ говорили: „пока они всѣхъ Кочубейскихъ свойственниковъ и ихъ совѣтниковъ не перевѣшаютъ, дотолѣ въ дѣлѣ ихъ не будетъ имъ свободы“. По совѣту князя Волконскаго, братъ его съ дочерью Черняка ушелъ въ Нехворощъ, а онъ къ своей женѣ и дѣтямъ въ Новосанджаровъ, и хотя очень желалъ переѣхать въ Нехворощъ, но по причинѣ великой весенней воды черезъ Ворскль переправиться не могъ и принужденъ былъ остаться въ Новосанджаровѣ почти до баталиі. Тутъ ихъ застали запорожцы, отъ которыхъ онъ съ тестемъ своимъ, съ женою и съ дѣтьми, по случаю слабаго присмотра, уѣхалъ въ миргородской полкъ къ Потоку, и стояли за Пеломъ; а какъ услыхали про гетмана и князя Долгорукаго, что они гонятся за шведами, то явились къ гетману и къ Долгорукому и просили себѣ у гетмана охранительнаго указа, который имъ и былъ выданъ. Съ нимъ они пріѣхали въ Омельникъ. Въ бытность свою въ Сенджаровѣ, онъ не имѣлъ никакого уряда и жилъ въ рядовыхъ товарищахъ. Когда запорожцы пришли въ Новосанджаровъ и кошевой Костька сталъ на квартирѣ у тестя его, то узнавши, что онъ, Матвѣй, свой Кочубею, призвалъ его и спросилъ: „онъ ли былъ за карауломъ за Кочубея?“ „Я“. „Ты ему родичъ доводишься?“ „Родичъ“. Кошевой продолжалъ: „былъ у насъ въ Сѣчи Иванъ Жуковъ, внукъ, да добро, что ушелъ!“ А больше того ничего не говорилъ. Потомъ пріѣзжалъ въ Новосенджаровъ Мазепинъ бунчужный Оедоръ Мировичъ; изъ Новосенжарова Мировичъ вмѣстѣ съ кошевымъ поѣхалъ къ Мазепѣ

въ Великое Будище и захватили его и бывшего новосенжаровскаго сотника Романа. За карауломъ ихъ не держали, а только подъ крѣпкимъ надзоромъ, и чрезъ нѣсколько недѣль съ кошевымъ возвратились въ Новосенжаровъ.

Это показаніе Матвѣя Бущаго засвидѣтельствовали и подписали бывший сотникъ новосенжаровскій Яковъ Мелещенко съ товарищами, восемь человѣкъ.

По окончаніи допроса сотниковъ, полковникъ Чернякъ далъ свое объясненіе относительно будто бы неправильнаго назначенія указанныхъ сотниковъ на уряды, помимо болѣе достойныхъ. Онъ указалъ на то, что доселѣ никто изъ старшины полтавскаго полка не указывалъ ему на неправильный выборъ сотниковъ; съ другой стороны въ полку такъ мало осталось старшины, которые бы не измѣнили государю, что онъ не имѣлъ никакой возможности выбирать на уряды исключительно вѣрныхъ людей; такъ, ему пришлось по нуждѣ вручить хорунжество Михаилу Руденку, который теперь, вмѣстѣ съ Кованькомъ, на него челобитчикъ, а между тѣмъ во время измѣны возилъ грамоты великаго государя къ Мазепѣ и за то получалъ отъ него награды, и когда узналъ, что Мазепа измѣнилъ, въ Великихъ Будищахъ ограбилъ до нага великороссійскихъ людей и еслибъ бывший сотникъ Максимъ Левченко не выслалъ ночью людей въ Опошню, то онъ ихъ перебилъ бы.

Послѣ розыска по общимъ пунктамъ челобитной, генеральный есаулъ Бутовичъ приступилъ къ разбору жалобъ отдѣльныхъ лицъ. На жалобы давалъ отвѣты или самъ полковникъ, или полтавская полковая старшина, смотря по тому, на чье рѣшеніе приносится жалоба; въ заключеніе по каждой жалобѣ Бутовичъ ставилъ свое опредѣленіе. Хотя этихъ жалобъ приведено въ дѣлѣ слишкомъ много, но онѣ такъ ярко освѣщаютъ быть того времени, что было бы грѣхомъ не привести ихъ, тѣмъ болѣе, что бытовая исторія Малороссіи XVIII ст. далеко не разработана.

Иванъ Шило, товарищъ сотни полковой, билъ челомъ на полковника въ порубкѣ его лѣса на свое мельничное и хоромное строеніе; въ лѣсу этомъ были доли и его братьевъ. Полковникъ отвѣчалъ, что велѣлъ Шиловъ лѣсъ рубить за его прелюбодѣяніе,

за то что съ вѣдома митрополита кіевскаго, по правиламъ св. отецъ и по артикуламъ правнымъ (какъ въ книгѣ мѣской ратуши полтавской написано) присужденъ былъ къ смертной казни, но, по ходатайству духовенства, бывшаго на томъ судѣ, отъ казни освобожденъ, а за вину указано вырубить его лѣсъ, при чемъ срублены и братнія части. Но въ вознагражденіе братьевъ Шила за вырубленный лѣсъ изъ мѣскаго уряду велѣно отвести имъ нерубленный лѣсъ, а опустошенное мѣсто оставить Ивану.

Леско Мищенко, житель полтавскій, жаловался на полковника за взятыя двадцати четырехъ ульевъ пчель за то, что будто у него чужой улей опознали, чего по розыску не явилось. Полковникъ отвѣчалъ, что три улья пчель, по приказу гетманскому, вслѣдствіе челобитья Мищенко, онъ уже возвратилъ, а двадцать одинъ улей отдастъ весною, на что и обликъ Мищенку своею рукою написалъ.

Петръ Кушнеръ, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника за взятый лѣсъ, да на бывшаго великобудинскаго сотника Калачинскаго и бывшаго атамана тахтауловскаго Константина въ двухъ коровахъ, въ двухъ свиньяхъ и въ двухъ плугахъ желѣза. На это челобитье полтавская полковая старшина дали отвѣтъ, что жена его, Кушнеренкова, приличилась въ чародѣяніи и хотѣла зятя своего Грицка Рѣзниченка съ его женою отравить; также чинила и другія чародѣйства, въ чемъ сама созналась и записано въ книгахъ мѣскихъ, за ту вину выписанное и забрано.

Юрій Панченко, бывшій козакъ рѣшитиловской сотни, а теперь самовластно перешедшій въ подданство къ госпожѣ Искриной, въ село Демидовку, жаловался о забраніи лѣса, дужка сѣножати, поля пахотнаго и рухомостей нѣкоторыхъ на полковника. Въ отвѣтъ полковникъ представилъ письмо, составленное на рѣшитиловскомъ урядѣ, въ которомъ написано, что какой то Миронъ Корноушенко, укравши неводъ на хуторѣ на Гоутвѣ, принесъ его къ Панченку; разрѣзавши неводъ на волокы, они украдомъ ловили рыбу въ озерахъ госпожи Искриной, въ чемъ Панченка рѣшитиловскій урядъ и обвинилъ. А когда прислали взять у него на полковника пчель, то нашли въ погребѣ два

краденыхъ улья, одинъ подъ клеймомъ Родька Слюсаренка, а другой Матвѣя Сененка; за двукратное злодѣйство означенную худобу онъ и побралъ.

Степанъ Бутовичъ опредѣлилъ: лѣсъ, поле, и сѣножати возвратить.

Агрипина Баришѣа бывшая сотничка уманьская, била челомъ на полковника о лѣсѣ покойнаго мужа своего, который она дала полковнику за то, чтобъ освободилъ ея мужа своею инстанціею изъ подъ караула въ Кіевѣ; однако жъ мужа ея онъ не освободилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что дала ему тотъ лѣсъ по своей доброй волѣ; однако жъ, указу regimentарскому довольство чиня, лѣсъ возвратилъ и квитанцію съ нея взялъ.

Ярема Безрученко билъ челомъ на полковника за порубку въ его лѣсу полтораста деревьевъ на городовое строеніе, изъ которыхъ пятьдесятъ, по пропорціи своего грунта, уступать, а за сто требуетъ денегъ, такъ какъ его этимъ противъ иныхъ обидѣли. Опредѣлено: Наказано именемъ regimentарскимъ, дабы за сто деревьевъ заплатили съ города.

Миронъ Рябуха, житель старосанджаровскій, билъ челомъ, что якобы полковникъ велѣлъ у него товарищу сотни новосанджаровской Моклякову, когда онъ шелъ изъ Вольнаго, худобу всю забрать. На это обвиненіе отвѣчалъ полковой судья Кованько: когда Вольный съ Плякою забунтовали и присоединились къ противной сторонѣ, въ то время и онъ, Рябуха, показалъ знатную неприязнь противъ царскихъ людей и чинилъ поиски; когда же жители Вольнаго, видя свою не силу, склонились къ царскому величеству и пошли въ города, тогда и онъ, Рябуха, прибравъ свою компанію, шелъ отъ полка поодаль назадъ, гдѣ его Моклякъ и ограбилъ.

Лукианъ Кондратенко жаловался на полковника за взятую пару воловъ; а вина его была такая: заставши въ саду своего зятя человекъ, кравшаго яблоки, онъ не отвелъ его ни къ какому уряду. Полковникъ отвѣчалъ: „я не знаю, за какой его проступокъ старшина мнѣ прислали пару воловъ“. Опредѣлено: волы возвратить.

Гарасимъ Коваленко жаловался на полковника и старшину старосанджаровскую о забраніи всей его худобы за то, что, поймавъ въ просѣ своемъ двухъ поросятъ и везя ихъ на возу связанныхъ, одного удушилъ. Определено: когда несправедно худобу побрали, такъ дабы все отъ мала до велика возвратили.

Матвѣй Бражниченко, товарищъ сотни бѣлицкой, билъ челомъ на полковника въ осмнадцать штукахъ товара, который онъ взялъ у запорожцевъ. Определено: полковнику взятый товаръ возвратитъ челобитчику или удовольствовать деньгами, что за оный надлежитъ.

Гарасимъ Марченко, житель диканскій, билъ челомъ на полковника о завладѣніи власнымъ его лѣсомъ, находящимся подъ Дикацкою, которымъ въ настоящее время владѣтъ его зять, Дмитрій Калачинскій. На это челобитье полковникъ и старшина полтавская представили декретъ изъ черныхъ мѣскихъ книгъ, которымъ челобитчикъ за любодѣяніе былъ присужденъ къ лишенію грунта. Определено: сему отказано.

Иванъ Лукомскій, козакъ сотни полковой полтавской, принесъ жалобу на полковника, что безъ всякой причины далъ ему передъ ратушей кievъ тридцать. Полковникъ отвѣчалъ, что челобитчикъ наказанъ за неявку въ теченіе трехъ дней къ нему съ отвѣтомъ гетмана.

Петро Слюсаренко, житель новосанджаровской, билъ челомъ на полковника, что безвинно забралъ худобу его, выставивъ такую причину: сестра его, покинутая мужемъ, о которомъ она не имѣла извѣстія семь лѣтъ, считая его погибшимъ, вышла замужъ за другаго, а когда первый мужъ вернулся, полковникъ обвинилъ, будто онъ зналъ, что его зять живъ. Определено: понеже на него, Слюсаренка, то не довелось, чтобъ онъ былъ о своемъ зятѣ свѣдомъ, первомъ сестры своей мужѣ, того ради забранную худобу возвратити.

Иванъ Рябуха принесъ жалобу на полковника за пару воловъ, взятыхъ за то, что якобы онъ ухоронилъ у себя краденую свинью. Полковникъ отвѣчалъ, что еще до прибытія своего изъ Глухова велѣлъ воловъ возвратитъ.

Лавринъ Киселенко съ братьями, жители цариченскіе, жалобу принесли на полковника о забраніи двухсотъ овецъ и 30 талеровъ денегъ. Полковникъ отвѣчалъ, что отобралъ овецъ у челобитчика за прелюбодѣяніе и частію подѣлился со старшиною, а Руденку, полковому хорунжему, досталось, семьдесятъ золотыхъ.

Билъ челомъ Иванъ Квонтаренко на полковника о взятіи: двухъ червонныхъ золотыхъ, денегъ 5 р. 6 алт. 4 д., пары лошадей, пары воловъ, кафтана французскаго тонкаго съ серебрянымъ шнуromъ, двухъ локтей лудану, пятидесяти овецъ, сѣдла добраго, куоы жита, куоы проса, двухъ мѣховъ соли, двухъ шапошныхъ вершковъ, рубл. одного. Определено: такъ какъ дѣло это рѣшено войсковымъ генеральнымъ судомъ въ Глуховѣ и декретомъ суда ему въ возвращеніи худобы отказано, то Лихваренко повиненъ ему, Квонтаренку, заплатить, что указано въ ономъ декретѣ.

Билъ челомъ Иванъ Разнокалеченко, житель облянскій, на полковника, что онъ взялъ у него каменное мливо, стоявшее на рѣкѣ Орели, за то, что братъ его Василій Разнокалеченко во время шведскаго смятенія, будучи въ противной сторонѣ, часто прихаживалъ къ нему, а онъ полковнику не объявлялъ. Определено: разсуждая о семъ, что онъ, Василій Разнокалеченко, и прихаживалъ къ женѣ своей въ Орель, и у брата бывалъ, однако къ брату онъ приходилъ съ намѣреніемъ, прося его объявить полковнику, что онъ желаетъ обратиться по прежнему къ сторонѣ царскаго величества; а поѣхавши отъ брата своего, жилъ три дня въ старомъ Санджаровѣ съ Бычкомъ и оттуда посылалъ о томъ же листъ къ отцу Іоанну Святоспасскому полтавскому, но о. Іоаннъ не скоро тотъ листъ полковнику объявилъ, а тѣмъ временемъ они, убоившись, ушли по прежнему въ противную сторону; а потому отецъ Іоаннъ долженъ заплатить ему, Василью, сорокъ золотыхъ, а полковникъ также долженъ возвратитъ сорокъ золотыхъ и тѣмъ дѣло окончить.

Панко, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника о забраніи избы, луки, нивы, саду и двадцати возовъ яблоковъ. На это челобитье полковникъ представилъ свидѣтелей, жителей тахтауловскихъ, которые по совѣсти сказали, что тестъ Пан-

ковъ во время шведской войны, будучи при шведахъ въ измѣнѣ, сказалъ шведамъ про казанъ полковничій, затопленный въ прудѣ, который шведы, вытащивши изъ пруда, изрубили. Определено: худобы его возвращать не велѣно.

Ильчиха баба, жителка старосанджаровская, била челомъ на полковника, что лошадь у нея взялъ. Определено: во свидѣтельство сему подана инквизиція, выведенная на старосанджаровскомъ урядѣ, записанная и въ мѣскія книги, что Ильчиха, будучи на крестинахъ у Игнатихи, украла у спящей Романихи изъ кармана 13 алт. 2 ден.; и того ради сей бабѣ отказано.

Грицко Скрипиченко, житель старосенджаровскій, биль челомъ на полковника, что покрадено у него восемь воловъ, и воры пойманы, и въ Полтавѣ сидѣли въ секвестрѣ, но полковникъ, взявъ съ нихъ худобы золотыхъ на сто, ихъ отпустилъ, а ему награжденія не учинилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что съ виновныхъ взялъ за вину, а воры и нынѣ въ лицахъ; вольно ему, Скрипиченку, чего хочетъ на нихъ искать.

Моисей Лебедь и Демьянъ Сѣвериненко, жители китагородскіе, жалобу принесли на полковника за взятіе бочки рыбы, въ которой было половина короповъ, а половина сомовъ. Полковникъ отвѣчалъ, что онъ того не помнитъ; а если взята, то потому, что за заповѣдью ходили за рыбой туда, куда не позволяютъ.

Тринадцать человекъ бѣличанъ били челомъ, что дѣти ихъ украли въ войскѣ семь овецъ, за что съ нихъ тамошняя старшина взяли со всякаго по пяти рублей, а у одного двадцать талеровъ, хотя вина ихъ очень неважная, потому что покрали овецъ будучи въ военномъ походѣ. Определено: приказано тамошней старшинѣ семьдесятъ талеровъ отдать.

Попадья старосанджаровская била челомъ на полковника, что взялъ у нея 200 золотыхъ за то, что Марко Бычко, прѣхавши въ Старый Санджаровъ съ противной стороны, навѣщаль ея больного мужа, священника. Полковникъ отвѣчалъ, что есть гетманскій указъ, по которому таковымъ велѣно чинить наказаніе.

Съ козаковъ полтавскаго полка, кобыляцкихъ и кишенскихъ жителей, которые ходили въ луга и въ полевья рѣчки для звѣ-

риной и рыбной ловли, съ 73 человекъ, да своего полка за такую жъ вину съ 50 чел. взялъ полковникъ по 5 золотыхъ, итого 123 рубля. Полковникъ отвѣчалъ, что большую часть этихъ денегъ издержалъ на вырытіе колодца въ Полтавѣ, есаулу далъ 10 талеровъ да писарю три рубля, а осташіяся удержалъ у себя до указу.

По разборѣ частныхъ жалобъ, Бутовичъ приступилъ къ разбору челобитенъ отъ жителей всѣхъ городовъ полтавскаго полка. Всѣ челобитныя сводятся къ двумъ группамъ: жители городовъ Старосенджарова, Новосенджарова, Бѣлика, Кобелякъ, Соколки, Кереберди, Переволочни, Кишенки, Орели, Китай-городка, Нехворощи жаловались на полковника, что онъ раздавалъ вино свое въ шинки по два талера за ведро, хотя оно больше одного талера не стоитъ, потому что очень плохое. Всего полковникомъ было роздано въ полтавскомъ полку своего вина на продажу 290 куоѣ; а такъ какъ каждая куоа и съ провозомъ стоитъ 18 рублей, а полковникъ накладывалъ на куоу по 22 р., то отъ каждой куоы получалъ прибыли по 4 рубля, а всего 1160 руб.; жители тѣхъ же городовъ жаловались, что полковникъ ежегодно выгоняетъ ихъ для гаченія его гребель и для перевозки матеріаловъ на постройку его мельницъ.

Разсмотрѣніемъ этихъ жалобъ производство дѣла и окончилось. Но оказалось, что за Чернякомъ еще есть грѣшокъ: онъ растратилъ или присвоилъ себѣ деньги, собранныя съ сотенъ полтавскаго полка во время полтавской осады на покупку селитры. Дознаніе объ этомъ послѣднемъ преступленіи произвелъ по гетманскому приказу полтавскій полковой хорунжій Иванъ Кгаевскій. 1-го декабря 1714 года, и въ результатъ оказалось, что въ Полтавѣ было собрано 30 тал., въ старосенджаровской сотнѣ 100 зол., въ новосенджаровской 100 зол., съ бѣлицкой 3 руб. 20 алт., съ кобыляцкой 160 зол., съ соколянкой 50 зол., съ кишенской 70 зол., съ переволоченской 50 зол., съ керебердянкой 100 зол., съ нехворощенской 4 руб., съ мояцкой 24 зол., съ цариченской 120 зол., съ китагородской 40 зол. да 40 тал., съ орлянкой 20 тал., съ велико-будянской 140 зол., съ сотни полковой Якова Черняка 50 зол. и полвосемь шаговъ, съ сотни

полковой Дмитрія Самарскаго 100 зол. Всего 259 руб. 18 алт., 2 деньги, считая талеръ по 20 алт., золотой по 6 алт. по 4 ден., шагъ по 4 деньги.

Въ такомъ видѣ дѣло было переслано гетманомъ канцлеру графу Головкину въ Петербургъ, гдѣ, по обсужденіи его въ иностранной коллегіи и по докладѣ государю, состоялся слѣдующій указъ: „1715 г. марта въ 31-й д. великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ послать свою царскаго величества грамоту къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и къ стольнику Ѳедору Протасьеву: писать и велѣть полковнику полтавскому Ивану Черняку, въ присутствіи генеральной старшины и другихъ полковъ полковниковъ, сказать его царскаго величества именной указъ, что, по доношенію и по челобитью полтавскаго полку судьи Петра Кованка и иныхъ полковой старшины, и козаковъ, и посполитыхъ людей, за его, полковника Черняка, къ нимъ, полтавскаго полку козакамъ и посполитымъ людямъ, учиненные налоги, обиды и взятки, какъ онъ, полковникъ Чернякъ, самъ въ отвѣтъ своемъ сказалъ, что накладывалъ на нихъ куеами вино свое и отъ того многую прибыль себѣ получилъ, козаковъ не только на своихъ гребляхъ, но и свойственниковъ своихъ въ работу употреблялъ; также особливо съ нѣкоторыхъ козаковъ и посполитыхъ людей бралъ взятки, отбиралъ лѣса и инья обиды имъ учинилъ, въ которыхъ онъ, полковникъ, самъ признался, а о другихъ по розыску есаула генеральнаго Стефана Бутовича явилось, и что онъ, полковникъ, нѣчто изъ того взятаго обидимымъ и возвратилъ, а иное велѣно возвратить;—надлежало было его, полковника, отъ того уряду отставить. Однако жъ его царское величество, напомя его, Ивана Черняка, вѣрность, что во время измѣны Мазепиной былъ въ вѣрности и по прелести его Мазепиной къ нему не приставалъ; и посыланъ онъ былъ въ Крымъ и въ Сѣчу запорожскую, и тамо отъ вора кошеваго Костьки былъ пойманъ, вязанъ, битъ и къ Мазепѣ отвезенъ и до счастливой баталіи полтавской держанъ,—пожаловалъ его, Черняка, велѣлъ ему то все вышеписанное, что онъ въ полтавскомъ полку къ тягости козаковъ и посполитаго народа чинилъ,

отпустить и быть въ томъ полку по прежнему полковникомъ, но съ такимъ опредѣленіемъ, что ему, будучи впредь во томъ полку полковникомъ, отнюдь того не чинить, а именно: вина своего на полкъ не накладывать, на работы свои козаковъ не употреблять, приметокъ и тягостей какъ козакамъ, такъ и посполитымъ людямъ не чинить и взятковъ неправедныхъ отнюдь не брать, въ полковые уряды и въ сотники по своей волѣ не обирать и не учреждать, но съ общей рады и совѣту съ полковою старшиною и съ сотниками назначивать къ тѣмъ урядамъ изъ людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ въ вѣрности, и, выбравъ, отсылать къ господину гетману, какъ о томъ недавно въ его царскаго величества грамотѣ, а именно, сего жъ году генваря въ 22 д. посланной и во всемъ малороссійскомъ краю опубликованной, изображено; и отставленныхъ сотниковъ: будищенскаго, нехворощанскаго, новосенжаровскаго и переволоченскаго ни въ какіе уряды въ томъ полтавскомъ полку не допускать. А на судью полковаго, Кованка, и на прочихъ старшину полковую за ихъ на него, полковника Черняка, доношеніе, также и которые козаки и посполитые въ сыску на него что объявили, и доказали, ему, полковнику Ивану Черняку, не мстить и отъ урядовъ ихъ безъ указа его царскаго величества и безъ вѣдома гетманскаго не отставливать, и никакого имъ наказанія ни за что, не описався съ господиномъ гетманомъ, не учинить и рядовымъ никакой тягости и обиды не показать. И въ томъ во всемъ взять у него, полковника, письмо за его рукою, что онъ такой его царскаго величества указъ вѣдаетъ и исполнять по оному обѣщаетъ. Буде жъ, паче чаянія, онъ, Иванъ Чернякъ, будучи впредь полковникомъ, дерзнетъ то чинить, и хотя въ маломъ чемъ вышписанномъ по сыску сыщется виновенъ и сего указа преслушенъ, и за то конечно уже не токмо отъ уряду полковничества будетъ отлученъ, но въ томъ и истязанъ. И о семъ вышписанномъ, како царское величество, милосердую о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа людѣхъ, изволяетъ при ихъ вольностяхъ содержать, и дабы отъ полковника Черняка полтавскаго полку козакомъ и посполитому народу отнюдь ни въ чемъ никакой тягости и обидъ не было, объявить въ Полтавѣ, со-

звавъ всю старшину и козаковъ и посполитыхъ людей; и для того объявленія послать въ Полтаву нарочно изъ Глухова одного изъ подполковниковъ или изъ маіоровъ и одного кого изъ гетманскихъ, и велѣть имъ при собраніи всей старшины и прочихъ прочитатъ всѣмъ вслухъ копію съ посланной его царскаго величества грамоты, дабы они сіе его царскаго величества милостивое объ ихъ пользѣ попеченіе вѣдали. И притомъ также объявить, что ежели онъ, полковникъ Чернякъ, впредь будетъ имъ какія налоги, обиды и взятки чинить, и они бѣ приносили на него челобитье гетману, также и объявляли стольнику Ѳедору Протасьеву, которые его царскаго величества указъ имѣютъ въ томъ имъ чинить справедливость.

Доношеніе козака Данилы Кондака на него жъ полковника Черняка, также его царское величество изволилъ уничтожить за его прежнюю вѣрность, и что тотъ козакъ объявилъ о томъ пропусая многое время; и того доносителя козака велѣть господину гетману перевести въ иной который полкъ, давъ ему гдѣ грунтъ земли, ибо уже ему подъ командою того полковника быть не пристойно. Графъ Г. Головкинъ. Баронъ Петръ Шафировъ. Петръ Толстой“.

Соотвѣтственно этому указу къ гетману была послана государева грамота 6-го апрѣля 1715 г., писанная на александрійскомъ листѣ и запечатанная малороссійскою печатью съ кустодією гладкою, а къ стольнику Ѳедору Протасьеву—списокъ съ нея.

Такъ опять пустили щуку въ рѣку—ловить карасей!

А. Востоковъ.

